

Замѣтки о журналахъ.

ноль 1856.

Бѣлинокій.—ПРОДОЛЖЕНІЕ РАЗБОРА СТАТЬИ Н. Ф. ПАВЛОВА О КОМЕДИИ «ЧИНОВНИКЪ». — ВОПРОСЫ ЖИЗНИ, ПИРОГОВА.

Много хорошаго представляетъ намъ наша литература. Мы можемъ быть недовольны въ ней тѣмъ, другимъ, можемъ изъ за того иногда даже досадовать на нее, даже выражать свою досаду на ея несовершенства горькими упреками,—а все-таки много въ ней хорошаго, все-таки большею частью лучшихъ минутъ своей жизни каждый изъ насъ обязанъ тѣмъ высокимъ наслажденіямъ, тѣмъ благороднымъ чувствамъ, которыя доставляла ему литература, все-таки литературная сторона нашей жизни—самая живая и самая свѣтлая сторона ея.

А скажите, чѣмъ выразили мы свою признательность тѣмъ людямъ, которые вложили жизнь въ нашу литературу?

Эти мысли разбудилъ во мнѣ недавній случай.

На дняхъ, привелось мнѣ быть на кладбищѣ. Оно зеленѣло, могилы пестрѣли цвѣтами, играла молодая жизнь на гробахъ, и сіяла природа вѣчной красой, по выраженію поэта. Нѣсколько грустныхъ, толпы равнодушныхъ лицъ встрѣчались мнѣ: одни пришли навѣстить близкихъ, другіе—и бѣлая часть—отъ нечего дѣлать, полюбоваться на памятники. Мнѣ было тяжело. Я шелъ дальше и дальше, изъ аристократической части кладбища, туда, гдѣ лежатъ бѣдняки. Рѣже и рѣже перерывались мраморными и чугунными памятниками ряды крестовъ, рѣже и рѣже встрѣчались люди. Вотъ я въ краю кладбища, совершенно пустомъ и безмолвномъ. Погруженный въ мысли, я машинально брелъ по пустыннымъ тропинкамъ... я забылся... Вдругъ чей-то твердый и полный какой-то торжественности голосъ вызвалъ меня изъ раздумья.

— Вотъ могила N N., которой хотѣлъ ты поклониться.

Я поднялъ глаза: передъ простымъ чернымъ крестомъ остановились, шедшіе по другой тропинкѣ, поперевъ моей дороги, двое мужчинъ: старшій,

человѣкъ лѣтъ сорока-пяти, указывая взглядомъ этотъ крестъ младшему, юношѣ лѣтъ двадцати.

«Такъ вотъ она, могила моего бѣднаго друга, которую такъ напрасно искалъ я много разъ, о которой напрасно спрашивалъ общихъ нашихъ знакомыхъ, бывшихъ здѣсь во время его смерти!»

Я подошелъ ближе. На крестѣ было, дѣйствительно, написано имя моего покойнаго друга. вмѣстѣ съ юношей, я поклонился этой могилѣ.

— А! вы также уважаете NN!—сказалъ мнѣ старшій:—да, это былъ человѣкъ, какъ говорить Гамлетъ. Вотъ, сынъ ужъ давно просилъ меня показать ему это мѣсто,—да я насилу могъ отыскать; а черезъ пять лѣтъ и вовсе нельзя будетъ найти: видите, крестъ ужъ пошатнулся. И надъ могилой такого человѣка нѣтъ памятника!

Мнѣ стало неловко и стыдно за себя и за всѣхъ насъ, такъ много, такъ безконечно много обязанныхъ этому другу... Безъ посторонней помощи, я не могъ бы найти и могилы его, а черезъ пять лѣтъ и не найдеть его могилы юноша, ставшій *человѣкомъ*, благодаря ему...

Кто жъ этотъ покойникъ? что жъ особеннаго сдѣлалъ онъ, что отецъ привелъ сына поклониться его могилѣ? Вы угадываете, кто былъ онъ: просто писатель, не болѣе, какъ писатель, всю жизнь остававшійся ничтожнымъ бѣднякомъ. Онъ только мыслилъ и писалъ,—болѣе онъ ничего не сдѣлалъ, даже не сдѣлалъ, себѣ порядочной карьеры, даже не приобрѣлъ себѣ обезпеченiя въ жизни, даже славы—такъ ему казалось—не приобрѣлъ своему имени... и дѣйствительно, въ послѣднемъ случаѣ едва ли не былъ онъ правъ: ни отъ кого не слышалъ онъ себѣ привѣта и одобренiя; только небольшой кружокъ преданныхъ ему людей благоговѣлъ передъ его свѣтлымъ умомъ, передъ его благороднымъ сердцемъ, да публика любила то, что писалъ онъ, не заботясь и почти не зная о томъ, кѣмъ это писано. Да, пожалуй, и славы не приобрѣлъ онъ себѣ,—по крайней мѣрѣ, при жизни.

Такъ; но тысячи людей сдѣлались людьми, благодаря ему. Цѣлое поколѣнiе воспитано имъ. А слава? многiе стали славны только потому, что онъ упомянулъ о нихъ, многiе другiе только потому, что успѣли понять двѣ-три его мысли. Другiе, лучшiе, стали славны потому, что учились у него, пользовались его совѣтами. И когда я перечитываю наши нынѣшнiе журналы, я всегда вспоминаю о немъ. Вотъ ученая статья—она производитъ эффектъ въ публикѣ, приобрѣтаетъ автору уваженiе въ кругу ученыхъ—отчего это? оттого, что она писана подъ влiяшемъ его мысли, писана на тему, которую и указалъ и объяснилъ онъ; вотъ критическая статья, которую называютъ всѣ умною и благородною,—опять-таки все, что есть въ ней хорошаго, подсказано имъ, и авторъ не считаетъ нужнымъ даже намекнуть о томъ; напротивъ, онъ даже усиливается говорить о немъ свысока, какъ о человѣкѣ, правда, умномъ, но увлекавшемся, малообразованномъ и поверхностномъ: видно, чувствуетъ авторъ, что нужно ому отстранить это имя, чтобы казаться самому чѣмъ нибудь; видно, знаетъ авторъ, что при немъ онъ ничто. Вотъ повѣсть, которую называютъ прекрасною—опять это только плодъ его ученiя: онъ указалъ и мысль и форму, въ которую должна облечься эта мысль... Повсюду *онъ!* Имъ до сихъ поръ живетъ наша литература!...

А что сдѣлали мы, литераторы, въ доказательство своей признательности къ тому, кто былъ общимъ воспитателемъ всѣхъ лучшихъ между нами? Ровно ничего. Мы не потрудились даже подумать, что потомство обвинить насъ, когда не отыщется его бѣдной могилы.

Я не осуждаю его друзей. Пусть они извиняются человѣческой слабостью—въ самомъ дѣлѣ, ихъ можно было извинять. Онъ умеръ во время страшной болѣзни, когда каждый трепеталъ за себя, когда никто не былъ увѣренъ поутру, что доживетъ до вечера. Въ боязни за себя, они могли забыть о немъ—о чужихъ ли могилахъ думать, когда самому надобно готовиться къ отвѣту за свою жизнь?

Но потомъ, когда болѣзнь миновалась, когда сердца успокоились отъ страха грозившей каждому опасности, можно бы вспомнить о томъ, кому каждый обязанъ своимъ нравственнымъ развитіемъ и своею извѣстностью, если имѣетъ ее.

Нѣтъ, видно, у cadaго изъ его друзей такъ много личныхъ заботъ, что некогда приняться за исполненіе обязанностей, возлагаемыхъ признательностью.

Впрочемъ, что за бѣда, если тѣсный кружокъ людей близкихъ по хотѣть вспомнить о томъ? Есть у него другіе друзья, болѣе многочисленные и болѣе вѣрные: его читатели. Теперь они знаютъ, кому обязаны оживленіемъ нашей литературы; теперь они чаще и чаще говорятъ о немъ. Они исполняютъ то, что не было въ свое время исполнено друзьями его.

Публика? — будто публика, въ самомъ дѣлѣ, такъ свято исполняетъ всегда долгъ признательности? Не случается ли ей ограничиваться только прекрасными словами, не приводя ихъ въ исполненіе? Вѣдь вотъ скоро двадцать лѣтъ минуетъ съ кончины Пушкина: двадцать лѣтъ каждый съ благоговѣніемъ называетъ его основателемъ новой нашей литературы и говоритъ о немъ съ такимъ прекраснымъ, съ такимъ святымъ жаромъ,—а гдѣ памятникъ великому поэту, котораго, кажется, всѣ признаютъ достойнымъ вѣчной славы?

Литература наша, не взирая на всѣ свои недостатки, представляетъ много хорошаго,—это фактъ, котораго нельзя отрицать, съ какимъ бы скептицизмомъ ни смотрѣть на нее. Въ прошлый разъ мы говорили о прекрасномъ началѣ обширной статьи, написанной г. Павловымъ по поводу комедіи графа Соллогуба. Начало казалось намъ такъ хорошо, что, признаемся, мы не безъ нѣкотораго опасенія за свое впечатлѣніе стали читать окончаніе этой статьи, помѣщенное въ 14-й книжкѣ «Русскаго Вѣстника». Тонъ, взятый авторомъ, былъ такъ силенъ и высокъ, что нелегко было выдержать его до конца.

Но чтеніе статьи самымъ отраднымъ образомъ опровергло эти сомнѣнія: вторая половина разбора еще лучше, если только возможно, нежели первая. Въ первой части статьи разборъ остановился на той сценѣ комедіи, съ которой начинаются служебные подвиги злополучнаго Надинова, — во второй статьѣ все винаше критика обращено на нихъ. Въ каждой сценѣ оказывается, что съ художественной точки зрѣнія поступки г. Надинова разрушаютъ всякое правдоподобіе въ комедіи, которая гибнетъ черезъ него въ

литературномъ емыслѣ, и, въ дополненіе къ тому, со «Сводомъ Законовъ» въ рукѣ, критикъ доказываетъ, что каждое слово, каждое понятіе этого самохвала, мнимаго чиновника, законопреступно, отчасти по незнашію закона, еще чаще по неуваженію къ нему, въ угожденіе варварскимъ понятіямъ, въ которыхъ онъ, самъ того не замѣчая, совершенно сходится со взяточниками. потому что личные свои желанія и пристрастія ставитъ выше закона. И когда, въ своемъ забавномъ тщеславіи, Надимовъ оскорбляется тѣмъ, что ему предлагаютъ взятку, критикъ охлаждаетъ его неосновательное негодование словами: «да вѣдь вы, г. Надимовъ, ведете себя, какъ взяточникъ, — вѣдь вы ясно выказываете пристрастіе къ одной изъ тяжущихся сторонъ, не хотѣли выслушивать объясненій противника, старались запугать этого противника, брали на себя власть выше той, какая дана вамъ закономъ, вы отдаете подъ судъ людей, которые по закону не подвергли себя судебному слѣдствію: вы входите въ пріятельскіи сдѣлки то съ тѣмъ, то съ другимъ изъ лицъ, которыхъ вы должны производить слѣдствіе; вы собственной властью прикрываете и прощаете преступленія, — словомъ, ведете себя, какъ человекъ, который казнить и милуетъ не по закону, а по произволу, — вы дѣлаете все то, что дѣлаетъ взяточникъ. Чѣмъ же вы отличаетесь отъ него? и какъ васъ не почестъ за взяточника?» А когда Надимовъ начинаетъ разглагольствовать, что онъ гнушается взяточниками и истребить ихъ своимъ примѣромъ и своею службою, г. Павловъ говоритъ ему: «вы сами не знаете, что дѣлаете, возставая противъ взятокъ: вѣдь это не отдѣльное явленіе, которое можно уничтожить, не касаясь произвола, — нѣтъ, взятки — слѣдствіе тѣхъ самыхъ обычаевъ, которыхъ держитесь вы, г. Надимовъ; взятки — только ничтожный симптомъ той страшной болѣзни, которую охваченъ, проѣденъ до костей весь вашъ организмъ.

Взятки — не одинокое преступленіе: онъ — неизбежное слѣдствіе того порядка вещей, благодаря которому вы живете и щеголяете, — понятій, которыя вамъ нравятся, — слѣдствіе, которое должно съ вашей точки зрѣнія казаться совершенно невиннымъ. Корень, на которомъ растетъ этотъ цвѣтекъ, нужно вырвать, а на цвѣтокъ бесполезно и нападать, если беречь корень: не одинъ этотъ цвѣтокъ, а сотни подобныхъ растутъ на этомъ корнѣ. За что рвать именно одинъ этотъ невинный цвѣтокъ? Да и что проку, если сорвете этотъ цвѣтокъ? Въ замѣнъ вырастетъ другой, еще лучше сорванного:

«Для васъ взятка — порокъ, преступленіе. Да, это такъ; взяточникъ есть мытарь, торгующій правдой въ ея святыхъ храмахъ. Взглядъ справедливъ, во узокъ для объема историческихъ явленій. Нѣтъ преступленій цѣльныхъ, нѣтъ преступленій безъ доли заблужденія. Если видѣть въ старинномъ развратѣ, въ народномъ бѣдствіи одинъ рядъ преступленій, то легко утѣшиться и не зачѣмъ поднимать большого шума. Преступленія не страшны. Они, по свойствамъ человѣческой природы, составляютъ въ человѣческомъ обществѣ включенія, въ нихъ возстаетъ большинство, они прячутся отъ глазъ, красяются и живутъ тайно. Превратите только взяточника чисто въ преступника, и вавтра взятка не будетъ. Страшно заблужденіе. Оно обвиняетъ массы и не боится Божьяго свѣта. Вы выступали на борьбу со взяточниками, съ людьми; во что люди? существа кратковременныя, доступныя чувству страха, расположенныя къ послушанію, когда оно требуется настойчивой волей. Съ людьми легко справиться: на нихъ есть казнь закона, желѣзо и огонь. Передъ вами другой врагъ, болѣе опасный; этотъ врагъ — жюаііе. Оно безстрашно, непокорно, несговорчиво и, къ несчастію, долговѣчно. Вы

вытѣсните взяточника и станете ва его мѣсто; а понятіе тотчасъ пополнить эту убыль и въ вашемъ смѣлѣ воспитаетъ новаго, который будетъ предметомъ удивленія для старухъ. Вы возмущаетесь, вы негодуете, вы приходите въ ужасъ, что продается правосудіе; а понятіе вступить въ сдѣлку съ вашей совѣстью, сочинить слово «благодарность» в увѣрить васъ, что между втѣмъ безукоризненнымъ словомъ и вятками проведена самая непроходимая граница, протянуть самый тонкій волосъ. Поштіе предусмотрительно, осторожно и никогда не одиноко. Оно жвветъ общей жизнью съ другими, однородными понятіями. Они тѣсною семьей вмѣстѣ проходятъ вѣка и вмѣстѣ гибнуть, но не порознь. Взятки не жена и дѣти, не нищета и нужда,—ихъ берутъ и холостые и богатые; взятки—особенное возрѣніе на жизнь и человѣка; взятки не причина, а слѣдствіе, не болѣзнь, а одинъ изъ ея признавовъ.

«Давно ли, испрашивая помѣщенія въ общественную должность, проситель писалъ въ просьбѣ: «прошу отпустить покормиться»? Управление разенатривалось, какъ кормленіе, какъ доход, которымъ можно быть сыту. Воеводства и приказыва дѣла назывались «ворыстовными» дѣлами. Государственный вопросъ молчалъ передъ матеріальной потребностью лица. И тотъ, кто просился кормиться, и тѣ, которые отпускали его на кормленіе, нисколько не думали, что въ общественвонъ дѣлѣ интересъ частнаго желудка есть интересъ второстепенный. Намъ сважуть, что способъ кормленія опредѣлялся и, слѣдовательно, былъ законенъ. Иногда опредѣлялся, иногда нѣтъ; но что до этого? Самое возрѣніе дѣлало невозможными правила, что и подтверждается исторіей. Если управляемые разенатривались, какъ матеріалъ для удовлетворенія аппетита управляющихъ, если на первомъ планѣ стояло цѣлью, чтобъ воевода былъ сытъ, то какъ не предположить, что онъ не безпрестанно былъ голоденъ? Съ тѣтъ поръ государственными учрежденія измѣнились. Просвѣщенные законодатели Россія спѣшили передавать ей въ новыхъ поставовленіяхъ инны начала, инны истины. Но нравы, но возрѣнія не догнали государственныхъ учреждений. Рука не снзетъ уже писать: «отпустите покормиться»,—а въ головѣ прежнее понятіе еще живо. Предки думали, что мѣсто дается единственно ва тѣнѣ, чтобъ кормиться, и многие изъ потомковъ сохранили свято завѣщанное наслѣдіе. У многихъ, вѣрныхъ предавію, цѣль та же—кормленіе, а все остальное, что написано, кажется имъ написано такъ, для одной церемоніи. Бумага измѣнилась,—понятіе осталось, потому ли, что исторія вообще невыносимо долго вырабатываетъ свои идеи, потому ли, что съ измѣненіемъ законовъ не возбудилась дѣятельность мысля, или, наконецъ, потому, что старое возрѣніе со всѣми своими подробностями пріятіе слабости человеческой.

«Воображеніе плѣнялось пріобрѣтеніемъ новыхъ истинъ права, а душа влеклась къ той поэтической неопредѣленности, гдѣ давался широкій просторъ волѣ. Законъ исполнилъ современную задачу: онъ опредѣлялъ для службы другую цѣль, другую причину, и кормленіе, какъ оно совершалось нѣкогда, назвалъ взятками, преступленіемъ. Но быть около закона,—быть, благопріятствующійъ прежнему возрѣнію, сберегался тотъ же. На самую жизнь накладывались не тѣ обязанности, какія излагались въ законѣ, не то требовалось отъ нея, не тѣ идеи были въ обращеніи: отъ этого самая жизнь находилась въ постоянномъ и естественномъ противорѣчїи съ закономъ. Г. Надимовъ, увлекаясь тоже воображеніемъ, не понимаетъ, что дѣлаетъ, когда возстаетъ на взятки. Онъ не беретъ ихъ, но, нападаая на нихъ, поднимаетъ руку на себя. Послѣдуемъ за нимъ въ чудный міръ фантазїи, поддадимся ея волшебному обаянію и постараемся отгадать, какъ бы это стали жить люди безъ взатокъ, какой бы у нихъ совершался жизненный процессъ, какими яслаженіями пользовались бы они и какими подвергались бы лишеніямъ? Ахъ, г. Надимовъ! необдуманность, необдуманность губить много на свѣтѣ. Жизнь безъ взатокъ что за жизнь? вѣдь вто полное равнатіе чувства законности, вто, какъ его необходимое слѣдствіе, уваженіе ва каждомъ шагѣ, во всѣхъ мелочахъ, къ личности человѣка, и даже понатить... Видите ли, къ какимъ послѣдствіямъ ведетъ такого рода общественное положеніе. Вѣдь оно разстроило бы васъ перваго. Теперь вы прїѣхали свидѣтельствовать мельницу; но вамъ скучно, занятіе не по душѣ, не въ привычку; чувство законности васъ не тревожить—у насъ его нѣтъ—и вы заходите къ графинѣ, вы съ ней бесѣдуете, гуляете; вотъ сейчасъ ова

предложить вам завтракать. Если ктонибудь осмѣлится вамъ напомнить, что понятые давно собраны, вы скажете: «пустъ подождутъ». Подойдетъ Дробинкинъ—вы ему очень учтивымъ образомъ замѣтите, что вы чиновникъ, что и обсуживать и говорить вы хотите одни, а онъ проситель, слѣдовательно, существо бессмысленное и безсловесное. Все это чрезвычайно приятно и удобно. Теперь, по милости взятокъ, многіе подумаютъ про васъ: вотъ краснорѣчивый человѣкъ, человѣкъ убѣжденій, человѣкъ-огонь, а тогда, безъ взятокъ, о чемъ бы вы повели бесѣду? съ чѣмъ бы тогда явились бы на сцену передъ графиней, чѣмъ бы тронули ея вѣтреное сердце? За что же вы нападаете на взятки, когда ниѣ обязаны столькими удовольствіями?

«Противъ понятія оружіе одно—понятіе новое, которое надо поставить на мѣстѣ стараго. Понятіе добывается не фразами, не ребяческими выраженіями желаній, надеждъ и порицаній, а тяжелымъ трудомъ мысли, просиѣщеніемъ. Съ великою робостью, отъ страха, чтобъ слова наши не были перетолкованы въ превратномъ смыслѣ, мы, вопреки г. Надимову, рѣшаемся сказать, что честный человѣкъ, сотни, тысячи честныхъ людей, какъ случайность, какъ вылѣше, которое можетъ быть и не быть, безвѣльны въ борьбѣ съ закосявленнѣмъ понятіемъ. Одной честности, этого высокаго качества, къ сожалѣнію, мало. Нужны люди честные и вмѣстѣ мыслящіе. Только мысль дѣлаетъ завоеванія не случайныя, а прочныя, одна мысль можетъ создать средству, гдѣ нельзя будетъ двигаться взяточнику. Г. Надимовъ придумалъ разныя государственныя мѣры для искорененія взятокъ, образцы и горячія слезы; но мѣры эти, превосходныя сами въ себѣ, оказываются, послѣ нѣвольныхъ тысячелѣтій опыта, недействительными. Вы поставьте человѣка въ невозможность брать взятки, и онъ ихъ брать не будетъ; а возможность этой невозможности существуетъ для взятокъ точно такъ же, какъ и для другихъ нашихъ дѣйствій. Объяснимся примѣромъ, если уже г. Надимовъ такой охотникъ до нихъ. Онъ позванъ на балъ. Законъ не опредѣляетъ ни покроя его платья, ни цвѣта, ни матеріи, и какимъ бы шутомъ ни нарядился онъ, за это не положено никакого наказанія. Отчего же г. Надимовъ не явится на балъ въ сюртукъ и пестромъ галстукѣ? почему лучше согласится нарушить постановленію пвсаннаго закона, чѣмъ обычай, введенный и поддерживаемый какою-то непостижимой силой, которая не лишаетъ правъ состояща и не ссылаетъ въ Сибирь? Вотъ что, конечно, въ маломъ и ничтожномъ видѣ, называется взглядомъ на жизнь. Такъ люди смотрятъ, такъ думаютъ, такъ привыкли думать. Пестрый галстукъ и сюртукъ на балѣ признаны, неизвѣстно, на долго ли, непримечательными: извольте переувѣрять и оспаривать.

«Для важныхъ историческихъ явленій, для взятокъ, существуетъ также возможность подобнаго взгляда, и на основаніи естинномъ, не выдуманномъ человѣческой прихотью. Судья берется отправлять правосудіе, а за деньги называетъ правду ложью и ложь правдою. Тутъ логическая нелѣпность очевидна, ея основаніе шатко: поколебать его, однакожъ, трудно. Но средство есть, оно вытекаетъ уже изъ самой безмысленности явленія. Должно только искренно желать достиженія предполагаемой цѣли и не скорбѣть о тѣхъ понятіяхъ, которыя, живя одной жизнью съ понятіемъ о взяткахъ, должны умереть съ нимъ одною смертію. Г. Надимовъ обходится со взятками какъ-то легко, храбро, не воображая, что у нихъ есть своя исторія, географія и своя теорія. Это не отрывокъ, не клочекъ изъ жизни, а цѣлая жизнь, благообразно устроенная и праведенная въ систему на извѣстныхъ мѣстностяхъ. Мы уже такъ тѣсно познакомились съ г. Надимовымъ и получили къ нему такое расположеніе привычки, что, желая ему добра, совѣтуемъ продолжать горячиться противъ взятокъ съ графиней и полковникомъ, а ни подъ какимъ видомъ не сходиться и не вступать въ споръ съ какимънибудь умнымъ и закоревѣлымъ взяточникомъ. Г. Надимовъ не знаетъ, какую неотразимую діалектику встрѣтитъ онъ, какое научное пониманіе дѣла, какіе неотвержимые доводы и даже каша добродѣтели. Дойдетъ до службы, до отправленія должности,—тутъ, прошу не прогнѣваться, пожалуйста денегъ; а взгляните на взяточника съ другой стороны въ другихъ отношеніяхъ: онъ и добрый отецъ семейства, и теплый другъ, в честный человѣкъ, который васъ не обманетъ и не продастъ. Да, г. Надимовъ, много и такихъ взяточниковъ. Поэтому надо нападать не на взятки: онѣ, какъ мы уже сказали, не причина, а слѣдствіе, плодъ невѣрнаго воззрѣнія, ложваго пони-

манія, давшаго просторъ необузданности своевольтвѣ побужденій. Если вы хотите вложить персть вапгъ въ свѣжую рану и поразить взятки, то во всеоружіи рыцаря вступите въ бой съ рутиной, пошlostью и безмыслиемъ, которое всякую мысль считаетъ противозаконной тревогой, а всякое посягательство на невѣжество нарушеніемъ общественнаго благоустройства; съ этимъ невѣжествомъ, которое подпираетъ варварскіи привычки, которое, при помощи обыденной смѣтливости, хочеть отгадывать результаты наукъ; безъ ученія, безъ приготовленій берется за все, дѣлаетъ все кое какъ. рѣшаетъ съ плеча всѣ вопросы, в этотъ способъ дѣйствія свѣтъ называть русскимъ умомъ, а всякаго невѣжественнаго представителя мнимаго русскаго ума — русскимъ человекомъ...»

Да, взятки не произвольное преступленіе нѣсколькихъ дурныхъ людей, а старій обычай, тѣсно связанный со многими другими обычаями, столь же важными и вредными, съ многими коренными понятіями о жизни, еще преобладающими въ невѣжественной массѣ, отъ нравовъ которой, какъ бы гордо ни смотрѣли мы на нее, зависитъ все. Въ подтвержденіе глубокой справедливости этого замѣчанія, прекрасно развитаго г. Павловымъ, намъ хочется привести слѣдующій случай, сообщаемый «Анекдотами о Петрѣ Великомъ» Штелина. (Изданіе 3-е, Москва, 1830, часть 4-я, стр. 107—110).

«Никита Демидовичъ Демидовъ почиталъ за невѣрность, если, видя, что дѣлающееся противно волѣ и указамъ Государевымъ, не донесеть о томъ Его Величеству. Такимъ образомъ, узнавъ, что статскій дѣйствительный совѣтникъ Василій Никитичъ Татищевъ, по дѣламъ, до рѣшенія его доходившимъ, бралъ взятки, не могъ не объявить объ ономъ Монарху. Великій Государь объявленію сему вѣрилъ; ибо вѣдалъ, что Демидовъ не донесеть ему неправды, и въ чемъ бы не былъ онъ точно удостовѣренъ. Но какъ же однако поступить онъ съ Татищевымъ? Онъ призываетъ его къ себѣ, и спрашиваетъ: правду ли объявляетъ ва него Демидовъ? Правду, Государь, отвѣтствуетъ сей: я беру; но въ томъ ни предъ Богомъ, ни предъ Вашимъ Величествомъ не погрѣшаю. Лихоимство есть грѣхъ достойнаго наказанія, продолжаетъ Татищевъ; а мзда ва труды не грѣхъ, и Апостолъ говоритъ: «Мзда дѣлающему не по благодати, но по долгу». Монархъ, нѣсколько остановись, велѣлъ ему изъяснить сіе. Татищевъ продолжалъ:

«1. Судья долженъ смотрѣть на состоявіе дѣла: то если и ничего онъ не взялъ, а противъ закона сдѣлалъ, повиненъ будетъ наказанію; а если еще сдѣлаетъ сіе и изо мзды, тогда къ законопреступленію присовокупится уже и лихоимство, и повиненъ онъ будетъ сугубаго наказанія. Когда же право и порядочно сдѣлаетъ, и отъ праваго изъ благодарности его что возьметъ, не можетъ за то осужденъ быть. 2. Если мзду за трудъ пресѣчь, и только одно мздоимство судить, то болѣе вреда государству и раззоренія подданнымъ послѣдуетъ; ибо судья долженъ за получаемое жалованіе сидѣть въ приказѣ только до полудни, въ которое на рѣшеніе всѣхъ нужныхъ просьбъ конечно не достанетъ времени; а послѣ обѣда трудиться должности его нѣтъ. 3. Когда, видя чье дѣло сомнительное и запутанное, никогда внятно его изслѣдовать и о истинѣ прилежать причины не нѣтъ, будетъ день ото дня отгадывать; а челобитчикъ съ великимъ отъ того убыткомъ волочиться и всего лишиться принужденъ будетъ. 4. Дѣла въ канцеляршхъ рѣшатся по резстранъ по порядку, и случается, что нѣсколько дѣлъ впереди весьма не нужныхъ; а послѣднему по резстру такая нужда, что если ему дни два рѣшеніе продолжится, то можетъ нѣсколько тысячъ убытка понести, что по купечеству не рѣдко случается. Итакъ, Государь (продолжалъ г. Татищевъ), если я вижу, что мой трудъ не втунѣ будетъ, то я не токмо послѣ обѣда, но и ночью потружуся, а для того и карты, и собакъ, и бесѣды, и всяшія другія увеселенія оставлю; и не смотря на резстры, нужнѣйшее прежде ненужнаго рѣшу, чѣмъ какъ себѣ, такъ и просителю пользу привесу, никого другаго не обидя; слѣдовательно въ такомъ случаѣ за мзду, взятую за труды, ни отъ Бога, ни отъ Вашего Величества осужденъ быть не могу.»

Видите, какъ разсуждалъ одинъ изъ лучшихъ и честнѣйшихъ людей времени Петра Великаго? Да, трудно было бы съ нимъ поспорить верхоглядамъ, кричащимъ противъ взятокъ едва ли не потому только, что не получаютъ ихъ по своему незнанію дѣлопроизводства. И самъ Петръ Великій, какъ вы думаете, что онъ отвѣчалъ Татищеву? Вотъ что:

«Великій Государь слушалъ все сіе, не перебивая рѣчи, и по выслушаніи сказалъ: *Сіе правда, и для соотѣнаго* (т. е. справедливаго) *судьи невинно*».

Да, все тутъ зависитъ отъ понятій объ отношеніяхъ судьи къ обществу, о произволѣ и законности. Да, видно, что, по понятіямъ, противъ которыхъ не могъ еще бороться самъ Петръ Великій, взяточникъ могъ быть и добросовѣстнымъ судьей и честнымъ человѣкомъ. Такъ и нынче судятъ многие: взятки вовсе не беззаконіе, а невинная благодарность, — и г. Надимовъ весь проникнутъ понятіями, изъ которыхъ слѣдуютъ такіе сужденія. Какое же правимъветъ онъ возетавать противъ взятокъ?

Злополучный г. Надимовъ! такимъ-то образомъ терзается каждый шагъ его, такш-то назиданія навлекаетъ онъ на себя каждымъ словомъ. И подѣломъ ему, потому что онъ типъ людей, слишкомъ размножившихся у насъ въ послѣднее время, типъ мнимыхъ джентльменовъ съ низенькою душонкою, разсуждающихъ о честности высокой фразами, въ которыхъ, что ни слово, то несообразность или ложь. И, въ довершеніе всѣхъ ударовъ, получаетъ онъ самый убійственный для него: ему доказываютъ, что онъ вовсе не джентльменъ, не человѣкъ высшаго круга, хорошихъ манеръ, а просто франтъ дурнаго тона, наглостью старающійся прикрыть свое незнакомство съ правилами хорошаго тона! о, ужась!

Разборъ «Чинovníка», написанный г. Павловымъ, останется въ памяти публики, и если бы побольше являлось такихъ статей, счастлива была бы наша литература.

Кажется, судьба хотѣла, чтобы наши замѣтки въ этой книжкѣ были продолженіемъ того, о чемъ говорили мы въ прошлый разъ. Окончаніе статьи г. Павлова было замѣчательнѣйшимъ явленіемъ въ нашей журналистикѣ за прошлый мѣсяцъ; другая статья, обратившая на себя общее вниманіе, помѣщена въ «Морскомъ Сборникѣ» и служить продолженіемъ различныхъ разсужденій о воспитаніи, о которыхъ мы говорили въ предъидущемъ номерѣ. Это — «Вопросы жизни. Отрывокъ изъ забытыхъ бумагъ, выведенный на свѣтъ неофициальными статьями «Морскаго Сборника» о воспитаніи», — знаменитаго нашего хирурга г. Пирогова.

Охотники спорить, пожалуй, захотѣли бы замѣтить въ статьѣ господина Пирогова нѣкоторыя частности, относительно которыхъ возможно держаться не того воззрѣнш, какое кажется справедливымъ автору. Но въ такомъ случаѣ несогласіе было бы болѣе о словахъ, нежели о дѣлѣ. О сущности дѣла, о коренныхъ вопросахъ образованному человѣку невозможно думать не такъ, какъ думаетъ г. Пироговъ. Вотъ эти коренныя мысли, въ высокой степени справедливыя: воспитаніе главною своею цѣлью должно имѣть приготовленіе дитяти и потомъ юноши къ тому, чтобъ въ жизни былъ онъ человѣкомъ развитыхъ, благодарнымъ и честнымъ. Это важнѣе всего. Заботьтесь же прежде всего о

томъ, чтобы вашъ воспитанникъ сталъ человѣкомъ въ истинномъ смыслѣ слова. Когда это основное, общее направленіе къ знанію и правдѣ уже достаточно утверждено въ немъ, тогда,—и только тогда, а не раньше,—пусть онъ самъ подъ вашимъ руководствомъ выбираетъ себѣ специальную дорогу, къ которой наиболѣе расположенъ и способенъ. Если вы будете поступать иначе, съ самаго ранняго дѣтства заботясь только о томъ, чтобы сдѣлать изъ вашего воспитанника офицера, и, притомъ еще, именно инфантерійскаго или кавалерійскаго, морскаго или инженернаго офицера, или чиновника, или, притомъ, чиновника именно такого, а не другаго министерства, и для большей аккуратности именно по такннъ-то и такнмъ-то, а не другимъ должностямъ,—вы сдѣлаете очень важную ошибку, слѣдствіемъ которой будутъ вредны и для вашего воспитанника и для общества. Вы, не дождавшись, пока у человѣка развился разудокъ и характеръ, скуете его на всю жизнь, втолкнете его на узкую дорогу, съ которой ужъ нѣтъ ему выхода, и идти по которой онъ почти всегда оказывается неспособенъ, потому что вѣдь выборъ былъ дѣломъ слѣпago произвола, каприза съ вашей стороны, а не разумнаго соображенія его наклонностей и способностей. Что жъ окажется въ результатѣ? Множество спеціалстовъ, неспособныхъ именно къ своей спеціальности и неспособныхъ ни къ чему иному, и мало людей, истинно знающихъ свое дѣло, а еще меньше того людей развитыхъ, образованныхъ и имѣющихъ благородное направленіе. Да и чего же иного можно ждать? Жизнь—тяжелая борьба: въ ней много и соблазновъ и недоумѣній; а вы позаботились ли о томъ, чтобы приготовить юношу къ честной борьбѣ съ соблазнами, къ свѣтлому взгляду на недоумѣнія? Нѣтъ, вы хлопотали только о томъ, чтобы механически вбить ему въ голову какое нибудь ремесло: чему же удивиться, если онъ не выдерживаетъ житейской борьбы съ соблазномъ, противъ котораго не вооружили вы его ни развитостью ума, ни благородными убѣжденіями, и если рѣдво онъ остается человѣкомъ чистымъ? Вы, не дождавшись развитія его наклонностей и способностей, дали ему въ руки ремесленный инструментъ, что же удивительнаго, если онъ оказывается потомъ и неспособенъ и не склоненъ хорошо владѣть этимъ инструментомъ, который ему вовсе не по рукамъ? Вы хромага сдѣлали кровельщикомъ, глухаго музыкантомъ, безсильнаго труса кучеромъ: что жъ чуднаго, если и кропельщикъ вашъ, и музыкантъ, и кучеръ—все одинаково плохо исполняютъ свое дѣло? А если бы поступили вы разумно, подождавъ, пока можно будетъ различить качества этихъ людей и пока они поймутъ, къ чему они годны, тогда и результаты были бы не тѣ: тому глухота не помѣшала бы сдѣлаться хорошимъ кровельщикомъ, другому трусость—хорошимъ скрипачемъ, третьему хромота—хорошимъ кучеромъ. Произволъ вашъ не далъ развиться людямъ и перепуталъ спеціальности—въ результатѣ получилось: неспособность, невѣжество и отсутствіе твердой честности. А поступайте иначе, сообразно здравому смыслу и природѣ—и все должно пойти гораздо лучше.

Кто и не хотѣлъ бы, долженъ согласиться, что тутъ все — чистая правда,—правда очень серьезная и занимательная не менѣе лучшаго поэтическаго вымысла. Теперь читатель знаетъ общую мысль «Вопросовъ жизни» г. Пирогова; познакомимъ его съ нѣкоторыми отрывками размышленій нашего гениальнаго спеціалста.

Эпиграфъ статьи очень удаченъ:

«Къ чему вы готовите вашего сына? кто-то спросилъ меня.

«Быть человѣкомъ, отвѣчалъ я.

«Развѣ вы не знаете — сказалъ спросившій — что людей собственно нѣтъ на свѣтѣ? Это одно отвлеченіе, вовсе не нужное для нашего общества. Намъ необходимы негоціанты, солдаты, механики, моряки, врачи, юристы, а не люди.

«Правда это или нѣтъ?»

Вотъ и начало статьи, но менѣе прекрасное:

«Мы жинемъ, какъ всѣмъ извѣстно, въ девятнадцатомъ вѣкѣ, по преимуществу практическомъ.

«Отвлеченія, даже и въ самой столицѣ ихъ, Германіи, уже не въ ходу болѣе. А человѣкъ, что вы говори, есть, дѣйствительно, только одно отвлеченіе.

«Зоологическій человѣкъ, правда, еще существуетъ съ его двумя руками и держится ими крѣпко за существованность; но нравственный, вмѣстѣ съ другими старосвѣтскими отвлеченіями, какъ-то плохо аринадлежитъ настоящему.

«Впрочемъ, не будемъ несправедливы къ настоящему. И въ древности искали людей днемъ съ фонарями, но—все таки искали.

«Правда, язычская древность была ве слишкомъ взыскательна. Она позволяла имѣть всѣ возможныя нравственно-религіозныя убѣжденія: можно было *ad libitum* едматься эпикурейцемъ, стоикомъ, пнеагорейцемъ; только худыхъ гражданъ она не жаловала.

«Несмотря на все наше уваженіе къ веоспориннымъ достоинствамъ реализма настоящего времени, нельзя, однако же, не согласиться, что древность какъ-то болѣе дорожила нравственною натурою человѣка.

«Правительства въ древности оставляли школы безъ надзора и считали себя не въ правѣ вмѣшиваться въ ученія нудрецовъ. Каждый изъ учениковъ могъ пролагать, впослѣдетвіи, новые пути и образовывать новыя школы. Только жрецы, тираны и зелоты отъ времени до времени выгоняли, сжигали и отравляли философовъ, если ихъ ученія уже слишкомъ противорѣчили понѣрьямъ господствующей религіи; да и то это дѣлалось по интригамъ партій и кастъ.

«Язычесиво древнихъ, не озаренное свѣтомъ истинной вѣры, заблуждалось, но заблуждалось, слѣдуя принятымъ я послѣдовательно проведеннымъ убѣжденіямъ.

«Если эпикуреецъ утопать въ чувственныхъ наслажденіяхъ, то онъ дѣлалъ это, основываясь, хотя и на ложно понятомъ, ученіи школы, утверждавшей, что «искать по возможности наслажденія и избѣгать непріятнаго значить быть нудрымъ».

«Если стоикъ дѣлался еамоубійцею, то это случалось отъ стремленія къ добродѣтели и идеалу высшаго совершенства.

«Даже кажущаяся непослѣдовательность въ поступкахъ скептика извиняется ученіемъ школы, проповѣдывавшей, что «ничего нѣтъ вѣрнаго на свѣтѣ, и что даже соннѣніе сомнительно».

«Въ самыхъ грубыхъ заблужденіяхъ языческой древности, основанныхъ всегда на извѣстныхъ, нравственно-религіозныхъ началахъ и убѣжденіяхъ, проявляется все-таки самый существенный атрибутъ духовной природы человѣка—стремленіе разрѣшить вопросъ жизни о цѣли бытія».

Теперь нѣтъ этой послѣдовательности, нѣтъ этой честной вѣрности своимъ нравственнымъ убѣжденіямъ, потому что воспитаніе, обыкновенно, и не заботится о приготовленіи воспитанника къ честной послѣдовательности въ жизни: оно только учитъ мастерству, — и юноша, не имѣющій ни правилъ, ни понятій, кромѣ принадлежащихъ его ремеслу, вдругъ становится среди общества, которое предлагаетъ ему принять тотъ или другой изъ взглядовъ на цѣли и правила человѣческой жизни. Каковы же эти взгляды? Вотъ, для примѣра, нѣкоторые изъ нихъ:

«Вотъ, напримѣръ, *первый* взглядъ, очень простой и привлекательный. Не размышляйте, не толкуйте о томъ, что необъяснимо. Это, по малой мѣрѣ, лишь потеря одного времени. Можно, думая, потерять и аппетитъ в сонѣ. Время же нужно для трудовъ и наслажденій, аппетитъ—для наслажденій и трудовъ, сонъ—опять для трудовъ и наслажденій, труды и наслажденія—для счастья.

«Вотъ *третій* взглядъ—старообрядческій. Соблюдайте самымъ точнымъ образомъ всѣ обряды и повѣрья. Читайте только благочестивыя книги, но въ емысль не вникайте. Это главное для спокойствія души. Загѣмъ, не размышляя, живите такъ, какъ живется.

«Вотъ *четвертый* взглядъ—практическій. Трудаясь, исполняйте ваши служебныя обязанности, собирая копейку на черный день. Въ сомнительныхъ случаяхъ, если одна обязанность противорѣчитъ другой, избирайте то, что вамъ выгоднѣе или, по крайней мѣрѣ, что для васъ менѣе вредно. Впрочемъ, предоставьте каждому спасаться на свой ладъ. Объ убѣжденіяхъ, точно такъ же, какъ и о вкусахъ, не спорьте и не хлопочите. Съ полнымъ карнавомъ можно жить и безъ убѣжденій.

«Вотъ *пятый* взглядъ, также практическій въ своемъ родѣ. Хотите быть счастливыми, думайте себѣ, что вамъ угодно и какъ вамъ угодно, но только строго соблюдайте всѣ приличія и умѣйте съ людьми уживаться. Про начальниковъ и вужимыхъ вамъ людей никогда худо не отзывайтесь и ни подъ какимъ видомъ имъ не противорѣчьте. При исполненіи обязанностей, главное, не горячитесь. Излишнее рвеніе не здорово и не годится. Говорите, чтобы скрыть, что вы думаете, Воли не хотите служить ослами другимъ, то сами на другихъ верхомъ ѣдите; только молча, въ кулакъ себѣ, смѣйтесь.

«Вотъ *шестой* взглядъ, очень печальный. Не хлопочите: лучшаго ничего не придумаете. Новое только то на свѣтѣ, что хорошо было забыто. Что будетъ, то будетъ. Чорвякъ на кучѣ грязи, вы смѣшны и жалки, когда мечтаете, что вы стремитесь въ совершенству и принадлежите къ обществу прогресевствова. Зритель и комедіантъ понововѣтъ, какъ ни бейтесь, лучшаго не сдѣлаете. Вышка въ колесѣ, вы забавны, думая, что ѣдете впередъ. Не зная, откуда вывались, вы умрете, не зная, зачѣмъ жили.

«Вотъ *восьмой* взглядъ, и очень благоразумный. Отдѣляйте теорію отъ практики. Принимайте какую вамъ угодно теорію, для вашего развлеченія, но въ практикѣ узнавайте, главное, какую роль вамъ выгоднѣе играть; узнавъ, выдержите ее до конца. (Частіе—искусство. Достигнувъ его трудомъ в талантомъ, не забывайтесь; сдѣлавъ промахъ, не попейте и не унывайте. Противъ теченій не плывите».

Спрашивается: что выйдетъ изъ юности, поставленнаго среди такихъ понятій о жизни, безъ всякаго приготовленія къ борьбѣ съ ними? Примѣры мы видѣли и видимъ,—и, чтобъ они, по крайней мѣрѣ, не повторялись въ будущемъ, воспитаніе должно измѣнить свой характеръ, и не къ ремеслу только, а прежде всего къ честной борьбѣ съ соблазнами жизни должно оно готовить насъ:

«Приготовить насъ съ юныхъ лѣтъ къ этой борьбѣ значитъ именно:

«*Сдѣлать насъ людьми*».

«То есть тѣмъ, чего не достигнетъ ни одна ваша *реальная школа* въ мірѣ, заботясь сдѣлать изъ насъ, съ самаго нашего дѣтства, яегощантовъ, солдатъ, моряковъ, духовныхъ пастырей или юристовъ.

«Человѣку не суждено и не дано столько нравственной силы, чтобы сосредоточивать все свое вниманіе и всю волю, въ одно и то же время, на занятія, требующія напряженія совершенно различныхъ свойствъ духа.

«Погнавшись за двумя зайцами, ни одного не поймаешь.

«На чемъ основано приложеше реального воспитанія къ самому дѣтскому возрасту?

«Одно изъ двухъ: или въ реальной школѣ, назначенной для различныхъ возра-

ство (съ самаго перваго дѣтства до юности), воспитаніе для первыхъ возрастовъ нѣтъмъ не отличается отъ обыкновеннаго, общепринятаго.

«Или же воспитаніе этой школы съ самаго ея начала и до конца есть совершенно отличное, направленное исключительно къ достиженію одной извѣстной, практической цѣли.

«Въ первомъ случаѣ, вѣтъ никакой надобности родителямъ отдавать дѣтей до юношескаго возраста въ реальныя школы, даже и тогда, если бы они во что бы то ни стало, самоуправно и самовольно, назначили своего ребенка еще съ пеленокъ для той или другой касты общества.

«Во второмъ случаѣ можно смѣло утверждать, что реальная школа, нѣя преимущественно цѣлью практическое образованіе, не можетъ въ то же самое время сосредоточить свою дѣятельность на првготвленіе нравственной стороны ребенка къ той борьбѣ, которая предстоитъ ему впослѣдствіи, при вступленіи въ свѣтъ.

«Да и првготвленіе это должно начаться въ томъ именно возрастѣ, когда въ реальныѣ школахъ все вниманіе воспитателей обращается преимущественно на достиженіе главной, ближайшей цѣли, заботясь, чтобы не пропустить времени и не опоздать еѣ практическимъ образованіемъ. Курсы и сроки ученія опредѣлены. Будущая карьера рѣзко обозначена. Самъ воспитанникъ, подстрекаемый примѣромъ сверстниковъ, только въ томъ и полагаетъ всю свою работу, какъ бы скорѣе выступить на практическое поприще, гдѣ воображеніе ему представляетъ служебныя награды, корысть и другіе идеалы окружающаго его общества.

«Отвѣчайте мнѣ, положивъ руку на сердце, можно ли надѣяться, чтобы юноша въ одинъ и тотъ же періодъ времени изготавлялся выступить на поприще, не самимъ имъ выбранное, прельщался внѣшними и матеріальными выгодами этого, заранѣе для него опредѣленнаго, поприща и, вмѣстѣ съ тѣмъ, серьезно и ревностно првготавлялся къ внутренней борьбѣ съ самимъ собою и съ увлекательнымъ направленіемъ свѣта?

«Не спѣшите съ вашею прикладною реальностію. Дайте созрѣть и окрѣпнуть внутреннему человѣку: наружный успѣеть еще дѣйствовать; онъ, выхода поаже, но управляемый внутреннимъ, будетъ, можетъ быть, не такъ ловокъ, не такъ створчнвъ и уклончнвъ, какъ воспитанникъ реальныѣ школъ, но зато на него можно будетъ вѣрнѣе положиться: онъ не ва свое не возьмется.

«Дайте выработать и развитыя внутреннему человѣку, дайте ему время и средства подчинить себѣ наружнаго, и у васъ будутъ и негоціанты, и солдаты, и моряки, и юристы; а главное—у васъ будутъ люди и граждане.

«Значитъ ли это, что я предлагаю вамъ закрыть и уничтожить всѣ реальныя и спеціальныя школы?

«Нѣтъ! я встаю только противъ двухъ вопіющихъ крайностей.

«Для чего родители такъ самоуправно распоряжаются участію ихъ дѣтей, назначая ихъ, едва выполвшихъ изъ колыбели, туда, гдѣ, по разнымъ соображеніямъ и разчетамъ, предстоятъ имъ болѣе выгодная карьера?

«Для чего реально-спеціальныя школы принимаются за воспитаніе тѣхъ возрастовъ, для которыхъ общее человѣческое образованіе несравненно существеннѣе всѣхъ практическихъ приложений?

«Кто далъ право отцамъ, матерямъ и воспитателямъ властвовать самоуправно надъ благами дарами Творца, которыми онъ снабдилъ дѣтей?

«Кто научилъ, кто открылъ, что дѣти получили врожденныя способности я врожденное призваніе играть именно ту роль въ обществѣ, которую родители сами имъ назначаютъ?—Уже давно остивленъ варварскій обычай выдавать дочерей замужъ поневолѣ, а невольный в првждевременный бракъ сыновей съ ихъ будущимъ поприщемъ допущенъ и привилегированъ; заказное ихъ вѣнчаніе съ наукой празднуется и прославляется, какъ вѣнчаніе дожа съ моремъ!

«И развѣ нѣтъ другаго средства, другаго пути, другаго механизма для реально-спеціальнаго воспитанія? Развѣ нѣтъ другой возможности получить спеціально-практическое образованіе, въ той или другой отрасли человѣческихъ знаній, какъ распростра- няя его насчетъ общаго человѣческаго образованія?

«Вникните и разсудите, отцы и воспитатели!»

Когда мы припомнимъ, какое важное значеніе имѣлъ и продолжаетъ имѣть во всѣхъ образованныхъ европейскихъ государствахъ вопросъ о необходимости общаго воспитанія и о степени участія, которое можетъ быть уступлено спеціальнымъ наукамъ въ высшемъ преподаваніи, и вспомнимъ, въ какомъ смыслѣ рѣшается повсюду этотъ споръ, вспомнимъ, напримѣръ, о томъ, много ли военныхъ школъ существуетъ во Франціи, славной своею воинственностью, мы оцѣнимъ и высокій интересъ и чрезвычайную справедливость этихъ мнѣній о необходимости, чтобы общечеловѣческое образованіе играло главную роль въ воспитаніи, — мнѣній, которыя съ такою силою высказываетъ, — не забудемъ, — человѣкъ, который всѣми единогласно признанъ знаменитѣйшимъ изъ всѣхъ нашихъ ученыхъ въ настоящее время. Если онъ — слава нашихъ спеціалистовъ — говоритъ, что спеціализмъ обманчивъ, вреденъ и для общества и для самого обрезаемаго на спеціализмъ, когда не основанъ на общемъ образованіи, — кто у насъ можетъ сказать: «я лучшій судья въ этомъ дѣлѣ, нежели г. Пироговъ?» кто имѣетъ у насъ право не принять въ уваженіе его мнѣнія? Слова г. Пирогова, безъ сомнѣнія, будутъ имѣть сильное и благотвѣтельное вліяніе на образъ мыслей въ нашемъ обществѣ. Честь и слава г. Пирогову за прекрасное и рѣшительное выраженіе такихъ здравыхъ убѣжденій; полная честь и «Морскому Сборнику» за помѣщеніе такихъ статей.